

ВАРДГЕС ПОГОСЯН,

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, социально-политических и правовых наук Славянского государственного педагогического университета, Славянск

Модернизация как фактор сохранения социального гомеостаза

Abstract

Proceeding from the concept of local civilizations, idea of variability and the theory of functioning of complex systems the author considers modernization as a factor of stability of social system. Macro-sociological discourse and a retrospective view allow presenting modernization as a normative category of historical sociology, on a level with evolution, revolution and convergence.

Different societies have rather homogeneous technological equality, but socio-cultural component of a concrete society is constant and unique. It also causes specificity and dynamics of transformations of society, being the kind of genetic protection. The stability of socio-cultural components became reflection of the general historical tradition in the decision of problems of interactions between civilizations. A socio-cultural constant of a concrete society, as a system generating component, aspires to keep a homeostasis, being the condition of relative stability of a society. Social modernization in this case acts as a reflection of social system on exogenous influence. Keeping stable the own matrix base, the system makes partial modernization, correcting certain parameters notable for backlog, in order to enhance own stability and viability.

В рамках теории социально-исторического процесса как единства многообразия и неравномерности развития отдельных обществ исследователи на всех этапах развития социального знания отмечали общность фундаментальных характеристик всех участников процесса (Г.Гегель, К.Маркс). Наблюдаемое сходство стадий интерпретировалось как проявление сущности истории сторонниками идеи цикличности исторического процесса (Д.Вико, Т.Моммзен, Э.Мейер), что наиболее полно воплотилось в историософских концепциях социально-исторического прогресса как вариантах лине-

арной его трактовки (М.Кондорсе, Г.Спенсер, О.Конт, Ф.Фукуяма). К ним примыкает ковариантная модель всемирной истории (К.Ясперс), согласно которой множество обществ развиваются самостоятельно, но время от времени характеристики их развития синхронизируются и наблюдаются одно-временные качественные изменения. Уравновешивая крайности мир-системного анализа И.Валлерстайна, который свел национальные социумы к эманациям мировой системы, В.Каволис высказал идею о возможности порождения мироцелостности отдельными цивилизациями как локальными социокультурными системами. Р.Бенедикс отмечал способность каждого общества сохранять исторически сложившиеся социальные структуры, которые во многих случаях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению. К этой идее примыкает подход Н.Лумана, рассматривающего частные социальные системы как аутопойетичные (самовоспроизводящиеся).

При всем плюрализме современных подходов и полипарадигмальности в интерпретациях социально-исторического процесса, по мнению автора, наибольшей целостностью, системностью и адекватностью обладает цивилизационный подход (Н.Данилевский, О.Шпенглер, А.Тойнби, Ф.Бродель, С.Хантингтон), основанный на принципе “самодостаточности” локального развития и уникальности форм отдельных обществ. Согласно цивилизационной парадигме участники всемирно-исторического процесса взаимодействуют друг с другом, хотя и в разной степени на разных этапах своей истории, и это взаимодействие оказывает влияние на специфику развития отдельных обществ.

С этим положением вполне коррелирует теория комплексности, предлагаемая для анализа динамичных и самоорганизующихся систем, в том числе и общества (Дж.Смит, К.Дженис, Дж.Урри, Б.Хайнц) (см., напр.: [Urry, 2005]). Комплексные системы возникают в процессе взаимодействия простых элементов и состоят из большого количества элементов. Агенты комплексной системы действуют в конкретной окружающей среде, демонстрируя свою способность приспосабливаться к возникающим обстоятельствам. В рамках данной теории можно выделить следующие особенности сложных систем, к которым исследователи относят и общество:

- 1) события и элементы влияют друг на друга;
- 2) малые причины вызывают большие последствия;
- 3) изменения могут быть катастрофическими в период трансформации систем.

Наиболее весомым вкладом в формирование адекватной картины современного мира, по мнению автора, является следующее положение теории комплексности, разрешающее дилемму универсальности и уникальности общественного развития: при прохождении поворотных точек (бифуркаций) в комплексных системах формируется особый паттерн действий и развития (см.: [Фомичев, 2007: с. 5]).

Российский исследователь В.Игнатьев, отмечая, в частности, слабую разработанность понятий отдельного социального организма и региональной системы таких социальных организмов, настаивает на том, что в соответствии с современными представлениями о механизме развития сверхсложных, комплексных социальных систем, интегрированная теория всемирного социально-исторического процесса должна опираться на трактов-

ку его как самоорганизующейся целостности, которая состоит из ряда самоорганизующихся целостностей [Игнатъев, 2006: с. 222].

Это положение подводит к проблеме изучения генетических оснований формирования (цивилизационных матриц) локальных обществ и региональных цивилизаций, механизмов обеспечения самодостаточности существования специфических видов социальных организмов, их устойчивости к модификациям и деформациям со стороны внутренних кризисов и потрясений и со стороны внешнего воздействия. Внешнее (экзогенное) причинное воздействие происходит во время “столкновения” или “диалога” цивилизаций: торговли, миграции населения, войн, путешествий, развития средств массовой коммуникации и т.д., в процессе которых происходит распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне, что, в свою очередь, служит одним из важнейших механизмов социальных изменений.

Социальные изменения вызываются инновациями следующих типов:

- новые технологии (военного, экономического, научного плана);
- культурные новшества (новые верования, ценности, идеологические конструкции);
- новые формы социальной структуры.

При обсуждении экзогенных (внешних) аспектов социальных взаимодействий невозможно обойти вопрос социальной модернизации, который может быть представлен как проблема инновационных привнесений, возможности адаптации нововведений к локальным традициям, объема заимствований и масштаба их распространения в конкретном обществе. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям.

Конкретно-исторические исследования случаев преднамеренного, очевидного и систематического копирования и избирательного включения в локальные системы институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом, позволяют говорить о значимости влияний, импорта технологий и институциональных моделей в национальных контекстах процессов модернизации. Ибо действительная социальная модернизация, соразмеряясь с поставленными целями и собственным определением, национальна а priori и не имеет ничего общего с “приобщением к цивилизации-эталону”, под которым скрывается, по сути, установление банальных колониальных отношений. В целом модернизационная парадигма предполагает анализ на локально-национальном уровне; оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей и экологическую нишу собственного этноса.

Сформировавшись в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, модернизационная парадигма прошла длительный путь совершенствования. Различные теоретико-методологические модели ориентируют на освещение тех или иных аспектов модернизации. В классических теориях модернизации сам процесс трактовался как переход

от традиционного к современному обществу и рассматривался обыкновенно как “рационализация” (М.Вебер, Г.Алмонд, С.Верба), “вестернизация” или “европеизация” (С.Липсет, Д.Лернер, М.Леви, Г.Алмонд и др.). В современных вариантах теории модернизации понятия модернизации и вестернизации разводятся; признаются различные пути развития: вестернизация без модернизации, модернизация без вестернизации, догоняющая модернизация (С.Хантингтон). В основе технологическо-конвергенционистской модели (П.Штомпка) лежит гипотеза, что доминирующая технология, имеющая собственную имманентную логику развития, приводимую в действие последовательностью открытий и инноваций, обуславливает специфические формы социальной организации. Предполагается, что новейшие технологии рано или поздно повлекут за собой появление синдрома современности, что выражается в нарастании сходства, однородности различных обществ и в сглаживании местной специфики. Странники этой модели исходят из того, что технологический прогресс способен преобразовать традиционное общество путем генерирования изменений в установках и поведении, создания новых ценностных ориентаций. Инерция исторического контекста, возможности “иммунных” ответов со стороны традиционной среды, роль социокультурной составляющей конкретного общества данной моделью недооцениваются. Модель структурно-функциональной дифференциации (Н.Смелзер) расширяет аналитический горизонт, трактуя процессы структурной и функциональной дифференциации как неизбежные и естественные. Однако данная модель также страдает определенной прямолинейностью, имея в своей основе, как и предыдущая, ясное теоретическое представление о результате модернизации, которое не предусматривает сохранения элементов традиционных структур.

В ракурсе данного исследования представляется целесообразным использование адаптационной модели как в наибольшей степени соответствующей задаче реконструкции механизмов межцивилизационного заимствования. В основе этой модели лежит эволюционистская гипотеза о вариативности и приспособлении как оптимальном способе выживания и развития обществ. Модернизация, согласно этой модели, позволяет социальной системе лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне. Предпосылкой модернизации при этом является сосуществование различных обществ, дающее основания для сопоставления в рамках компаративного анализа. Отставшие в развитии общества, сопоставив собственные параметры с характеристиками более развитых обществ или вступив в контакт с более развитыми обществами или культурами, вынуждены модернизироваться, чтобы не потерпеть поражения в состязании с опередившими их, не оказаться в зависимости от них, в конце концов, чтобы улучшить свое качество жизни. При этом в рамках данной модели модернизация не обязательно приводит к положительным результатам; выборочная трансплантация культурных элементов может не вести к замене традиционных институтов, но иметь следствием их ухудшение, деформацию, а в некоторых случаях — и образование самых разнообразных культурных и социальных аномалий. К тому же возможны случаи традиционалистской националистической реакции и отторжения заимствований спустя некоторое время после их внедрения. Более того, как показывает практика, заимство-

вание инноваций не всегда сопровождается переносом их системных признаков, то есть места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора.

Причины этого, по мнению автора, лежат в самой природе социальной системы, как саморегулирующегося, саморазвивающегося и самодостаточного социального организма.

Инновации, или, иначе, фундаментальные открытия, представляют собой новую комбинацию известных культурных элементов или комплексов — материальных, концептуальных, идеологических и духовных. Фундаментальное открытие, совершенное в стране пионерской модернизации, позволяет значительно расширить экологическую нишу собственного этноса, выводит такую страну на уровень лидера-гегемона.

Перед остальными странами-актерами встает вопрос не просто конкурентоспособности, но, в первую очередь, выживания, жизнеспособности функционирующей системы как таковой. Отсюда вытекает необходимость в кратчайшие сроки изменить тот параметр системы, в котором имеет место отставание по отношению к стране-гегемону, то есть необходимость модернизации. Последнюю в подобном контексте можно определить как ускоренное, догоняющее развитие, осуществляемое исключительно путем административного регулирования, нацеленное на быстрое достижение стратегических результатов, органическую коррекцию параметров, в которых имеется отставание, с целью обеспечения устойчивости социальной системы перед лицом воздействия экзогенных факторов. Детализированное изложение этой аргументации в рамках выдвигаемой гипотезы автор приводит в монографии “Социальная модернизация: стратегия выживания” [Погосян, 2009].

Комплексные системы должны не только стремиться выжить, им также следует адаптироваться к изменениям среды и развиваться, они нуждаются в способности к гомеостазу (устойчивости), чтобы сохранять стабильность и существовать. Любая социальная система находится в тесной связи с внешним миром, который существенно влияет на протекающие в ней процессы. Вместе с тем любая система как гомеостатическая может существовать лишь в определенных условиях, находящихся в довольно узких пределах. Каждая гомеостатическая система имеет четыре диапазона функционирования:

1. Оптимальное состояние, то есть состояние, к которому система стремится в установившемся динамическом режиме.
2. Диапазон благоденствия, то есть состояние, в котором система может пребывать неограниченно долго. В диапазоне благоденствия регулирующие сигналы настолько слабы, что могут находиться ниже порога чувствительности, а инерционность такова, что система способна лишь асимптотически приблизиться к оптимальному состоянию.
3. Диапазон гомеостаза, то есть состояния управляемого изменения.
4. Диапазон выживания, то есть состояние слабо управляемых изменений [Дубатовка, 2002].

Ключевой характеристикой социальной системы является устойчивость, причем имеются в виду не просто пассивные формы устойчивости — прочность, сбалансированность, гомеостаз, а и ее активные формы — надеж-

ность, выживаемость, адаптивность, способность к самосохранению и саморазвитию.

Гомеостатические (устойчивые) системы обладают следующими свойствами:

- Нестабильность: система тестирует, каким образом ей лучше приспособиться.
- Стремление к равновесию: вся внутренняя, структурная и функциональная организация системы способствует сохранению баланса.
- Непредсказуемость: результирующий эффект от определенного действия зачастую может отличаться от ожидаемого.

Любая система является устойчивой, структурно конструируясь из стабилизирующего начала более или менее устойчивых констант и обладая изменяющимися переменными составляющими. При всем относительно гомогенном технологическом равенстве именно социокультурная составляющая константа конкретного общества является уникальной. Она же и обуславливает специфичность и динамику трансформационных процессов, проходящих в обществе, являясь своеобразным охраняющим началом.

Устойчивость социокультурной компоненты стала отражением универсальной исторической традиции в решении проблем цивилизационного взаимодействия: подчинение любых заимствований, даже культурных и духовных, целям и задачам национального существования в истории.

Реформа Карла Мартелла VIII века послужила основой для формирования и развития феодальных отношений в Европе. Осуществленная франками военная модернизация по арабскому образцу носила мобилизационный характер (ускоренные темпы; конфликт с церковью, у которой отбирались земельные владения). Она включала смену экономической системы и соответствующие институциональные преобразования, но не изменила и не ставила своей целью изменить социокультурные основы франкского общества (религию, быт, уклад жизни, самоидентификацию и т.п.) и, тем более, приобщить его к арабскому халифату. Заимствование буддизма из Индии не привело к “индианизации” Китая, который сумел адаптировать буддизм под китайские цели и задачи существования в истории. В VII веке уже Япония импортировала китайскую культуру, но и подчинила ее основам локальности японской цивилизации. Во всех исторических фазах своего взаимодействия с внешним миром и китайская, и японская культуры сохраняли свой самобытный характер [Погосян, 2008: с. 99–122].

Для объяснения результирующих процессов инновационных привнесений и формирования нового социетального контекста будет продуктивно использовать концепцию парциальной (частичной, фрагментарной) модернизации, основывающуюся на идее обоюдного влияния и взаимообусловленной трансформации импортируемых инноваций и эндогенных традиций. “Во многих обществах, — писал автор концепции А.Рюшмейер, — модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры... Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур... При определенных обстоятельствах модернизация средств, ролей,

организаций и норм может зайти очень далеко, а вера и ценностные ориентации остаются неизменными” [цит. по: Побережников, 2005: с. 310–311].

Симбиоз внедренных в традиционный контекст инновационных экзогенных элементов, потерявших в нем способность функционировать как рациональные, с одной стороны, а с другой — эндогенных немодернизированных элементов, традиционное функционирование которых также блокировалось, сам автор концепции рассматривал как малопродуктивный. Таким образом, в оригинальной своей версии ситуационно ориентированная парциальная модель может трактоваться как частный, субоптимальный случай линейной модели модернизации. Между тем модернизация, преобразуя параметр системы, нуждающийся в корректировке, не становится всеобъемлющей в силу воздействия социокультурной составляющей цивилизационной матрицы, о чем косвенно упоминает сам А.Рюшмейер.

Совершенно иную трактовку фрагментарной, парциальной модернизации предлагают российские исследователи А.Богатуров и А.Виноградов в рамках разрабатываемой ими концепции анклавно-конгломератного общества. В соответствии с ней, анклавы, которые могут представлять собой как эндогенные инновации, вытекающие из логики собственного развития, так и экзогенные новации, рассматриваются в качестве устойчивых единиц общества-конгломерата. Авторы концепции утверждают, что “среда может стремиться поглотить анклав через распространение на него присущих связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной структуры. Подобная структура способна позволить обществу, с одной стороны, адаптировать достижения технологичной цивилизации, с другой — сохранить условия для воспроизводства архаичных трудовых мотиваций так, что последние в соединении с современной техникой дадут экономический эффект, превосходящий тот, что возможен в стране происхождения этой техники на основе характерного для нее отношения к работе и производству” [Богатуров, Виноградов, 2002: с. 126].

Приведенный в данной статье аналитический материал позволяет сделать следующие выводы.

Процессы культурного заимствования и освоения инноваций принимали в истории человечества разнообразные формы, разнообразными же были объемы привнесений, их сущностное содержание, дальнейшее использование в общественной практике, мотивация преобразований. Данные матричной культуры, запечатленные в коллективном сознании людей, проявляются как этнокультурные специфические черты, присущие только этому народу и оказывающие влияние на вектор развития общества, определяя способы использования заимствованных фундаментальных открытий, уровень распространения инновационных привнесений, принятие или отторжение экзогенных культурных новшеств. Социокультурная составляющая константа конкретного общества, будучи системообразующей компонентой, стремится к сохранению гомеостаза, состояния относительной стабильности общества. Социальная модернизация в данном случае выступает как рефлексия социальной системы на экзогенное воздействие. Сохраняя собственное матричное ядро, система проводит частичную модернизацию, корректировку определенных параметров, в которых имеется отставание, с целью повышения собственной стойкости и жизнеспособности.

Абстрагируясь от разночтений понятия модернизации на тех или иных этапах становления западной науки (в эпохи модерна и постмодерна), макросоциологический дискурс и историософская ретроспектива позволяют представить ее как нормативную категорию исторической социологии, наряду с категориями эволюции, революции и конвергенции, как неотъемлемую составляющую социально-исторического процесса, направленную на преодоление отставания с целью обеспечить устойчивость социальной системы перед лицом воздействия экзогенных и эндогенных факторов.

В процессе культурного развития человечества нельзя отвергать силу идей и инноваций, преодолевающих национальные границы. Ни одно общество не может остаться в стороне от действия экзогенных факторов. Но идеи, институты и технологии должны быть приспособлены к эндогенному этносу. Такое видение проблемы заставляет обратиться к адаптивной модели парциальной модернизации, которая по сравнению с другими моделями более объемна и эмпирична и позволяет более адекватно описывать сложные взаимоотношения между традицией и новацией, сопровождающиеся взаимовлияниями, трансформациями, конструированием причудливых симбиотических агрегатов.

Литература

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. — М., 2002. — С.109–128.

Дубатовка О.В. Особенности формирования “точек роста” в рамках региональной системы // Материалы Всероссийской научно-технической конференции “Наука и образ — 2002”. — М., 2002.

Игнатьев В.И. Интеграционная социология исторического процесса: (Версия фундаментальной историко-социологической теории) // Социально-гуманитарные исследования. — Новосибирск, 2006. — Вып.3. — С. 219–236.

Побережников И.В. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2005. — № 10–11. — С. 302–314.

Погосян В.Г. Межцивилизационные заимствования: традиции и инновации в историософском дискурсе // Цивилизация: от локального к глобальному Граду. — Донецк, 2008. — С. 99–122.

Погосян В.Г. Социальная модернизация: стратегия выживания. — М., 2008.

Фомичев П.Н. Социологическая теория и методология комплексности глобального // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. — М., 2007. — № 1. — С. 3–11.

Urry J. The complexities of the global // Theory, Culture and Society. — Cleaveland, 2005. — Vol. 22. — № 1. — P. 10–18.